

ЗИНАИДА ГИППИУС

СТИХОТВОРЕНИЯ.
1880–1903

Зинаида Николаевна Гиппиус

Стихотворения. 1880–1903

Аннотация

«Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся, стихотворных сборников: нет, я думаю – она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто совершенно бесцельное и никому не нужное. Собрание, книга стихов в данное время – есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны...»

Содержание

Необходимое о стихах	8
Песня	14
Посвящение	16
Отрада	18
Баллада («Сырые проходы...»)	19
Никогда	22
Бессилье	24
Снежные хлопья	25
Сонет («Не страшно мне прикосновенье стали...»)	27
Цветы ночи	28
Гризельда	30
Однообразие	34
Иди за мной	35
Осень	36
К пруду	38
Крик	40
Любовь – одна	42
Сентиментальное стихотворенье	44
Ты любишь?	46
Надпись на книге	48
Родина	49
Сонет («Один я в келии неосвященной...»)	53

Вечерняя заря	54
Пыль	55
Вечер	57
Молитва	59
Серенада	61
Снег	63
Апельсинные цветы	64
Лестница	66
Улыбка	67
Мгновение	68
Круги	69
Последнее	70
Прогулка вдвоем	71
Соблазн	73
Стук	75
Там	76
Любовь	78
Конец	79
Дар	80
Нескорбному учителю	81
Предел	82
Христу	83
Тихое пламя	85
Мертвая заря	86
Глухота	87
Песни русалок	89

До дна	92
В гостиной	93
Электричество	94
Луговые лютики	95
Земля («Минута бессилья...»)	96
Кровь	98
Истина или счастье?	99
Не знаю	100
Христианин	101
Другой христианин	102
«Я»	103
Предсмертная исповедь христианина	105
Как все	107
Смиренность	108
О другом	109
Страх и смерть	110
Швея	112
Ограда	114
Сосны	116
Сны	118
Тетрадь любви	119
Два сонета	120
Вместе	122
Что есть грех?	123
Стариковы речи	124
Поцелуй	126

Пьявки	128
Мученица	129
Часы стоят	130
Алмаз	132
Числа	133
13	135
Мережи	137
Нагие мысли	138
О вере	140
Божья тварь	141
Костер	142
Страны уныния	143
Противоречия	144
Луна и туман	145
Ничего	146
Опустошение	147
Богиня	148
Нет	149
Сообщники	150
Баллада («Мостки есть в саду...»)	152
Зеленое, желтое и голубое	154
Пауки	156
Цепь	157
Белая одежда	158
«Давно печали я не знаю...»	159
«Я помню аллею душистую...»	160

«Осенняя ночь и свежа, и светла...»	162
«Долго в полдень вчера я сидел у пруда...»	163
«Мой дворец красив и пышен, и тенист душистый сад...»	165
«Я истинному верен останусь до конца...»	167
«П. И. Вейнбергу» («Люблю – хрусталь бесценный и старинный...»)	168
«П. И. Вейнбергу» («Вы задали мне трудную задачу...»)	169
З. А. Венгеровой	172
«На стене темно-красной...»	173
«Брат Иероним! Я умираю...»	174
«П. И. Вейнбергу» («Пусть проходят дни и годы...»)	176
Тема для стихотворения	177
Втайне!	178
Прямо в рай	180
Любовь к недостойной	182
Обе	185
Песня о голоде	186
К Добролюбову	188

Зинаида Гиппиус

Стихотворения. 1880–1903

Необходимое о стихах

Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся, стихотворных сборников: нет, я думаю – она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто совершенно бесцельное и никому не нужное. Собрание, книга стихов в данное время – есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны. Было время, когда всем казались нужными целые книги стихов, когда они читались сплошь, понимались и принимались. Время это – прошлое, не наше. Современному читателю не нужен, бесполезен сборник современных стихов. Это и не может быть иначе, и вина (если тут есть вина) лежит столько же на читателях, сколько на авторах. Ведь и те и другие – одинаковые дети своего времени. Ему подчиняясь, современный поэт утончился и обособился, отделился, как человек (и, естественно, как стихотворец), от человека, рядом стоящего,

ушел даже не в индивидуализм, а в тесную субъективность. Именно обособился, перенес центр тяжести в свою собственность, и поет о ней, потому что в ней видит свой путь, святое своей души. Это может казаться печальным, но тут нет ничего безнадежного или мелкого; и опечаленных пусть утешает мысль, что это – современное, а все «современное» – временно. Неизбежная одинокая дорога, быть может, ведет нас, и в области поэзии, к новому, еще более полному, общению. Но возвращусь к тому, что есть.

Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. Форма зависит от способностей и склонностей каждого. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. Поэзия, как определил ее Баратынский, – «есть полное ощущение данной минуты». Быть может, это определение слишком общее для молитвы, – но как оно близко к ней!

И вот мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, то неудачно, то удачно, но всегда берем наше «свое», наш центр, все наше данное «я» в данную минуту (таковы законы молитвы); – виноваты ли мы, что каждое «я» теперь сделалось особенным, одиноким, оторванным от друго-

го «я», и потому непонятным ему и ненужным? Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение, – отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное «свое» – другое, непонятна и чужда моя молитва. Сознание одиночества еще более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв и, зная, что все равно не сольемся в них ни с кем, – говорим, слагаем их уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя.

Некоторые из нас, стыдясь и печальясь, совсем оставляют стихотворную форму, как слишком явно молитвенную, и облекают иной, сложной и туманной, плотью свое божественное устремление.

Если есть где-нибудь один, кто поймет нашу молитву, – он поймет ее и сквозь печаль тумана. Но есть ли он? Есть ли чудо?

Я считаю мои стихи (независимо от того – бездарны они или талантливы, – не мне судить, да и это к делу не относится) – очень современными в данном значении слова, то есть очень обособленными, своеструнными, в своеструнности однообразными, а потому для других ненужными. Соединение же их в одной книге – должно казаться просто утомительным. Книга стихотворений – даже и не вполне «обособленного» автора – чаще всего утомительна. Ведь все-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение

ние автором данной минуты; оно вылилось – стихотворение кончилось; следующее – следующая минута, – уже иная; они разделены временем, жизнью; а читатель перебегает тут же с одной страницы на другую, и смены, скользя, только утомляют глаза и слух.

Но, повторяю, было время, когда стихи принимались и понимались всеми, не утомляли, не раздражали, были нужны всем. И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие; что толкуют о вырождении стиха, об исчезновении поэтических талантов! Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве, общность молитвенного порыва. Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов – всегда связано с устремлением молитвенным, религиозным, потусторонним, – с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительно поэтов – молитвы. Молитвенны стихи и прежних наших стихотворцев, – тех, в свое время принятых, понятных. Был и будет Пушкин; он принят навсегда, он был и будет нужен; его песни, он сам – как солнце; он вечен, всепроникающ, но, – как солнце, – неподвижен. То, что есть молитвы Пушкина, – не утоляет нашего порыва, не уничтожает нашего искания: он – не цель, не конечный предел, а лишь некоторое условие существования этого порыва, как солнце не жизнь, а только одно из условий жизни. Пушкин – вне времени, зато он и вне

нашего пути, исторического и быстрого.

Но вот Некрасов, поэт во времени, любимый и всем в свое время нужный. И его «гражданские» песни – были молитвами. Но молитвы эти оказались у него общими с его современниками. Дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу. Каковы они были – все равно. Они замолкли и уже не воскреснут, как молитв-вословия. Но они звучали широко и были нужны, они были – общими. Теперь – у каждого из нас отдельный, сознанный или несознанный, – но свой Бог, а потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы.

Есть и в прошлом один, нам подобный, «ненужный всем» поэт: Тютчев. Любят ли его «все», понятны ли «всем» его странные, лунные гимны, которых он сам стыдился перед другими, записывал на клочках, о которых избегал говорить? Каким бесцельным казался и кажется он! Если мы, редкие, немногие из теперешних, почуяли близость его и его Бога, сливаемся сердцем с его славословиями, – то ведь нас так мало! И даже для нас он, Тютчев, все-таки – из прошлого, и его Бог не всегда, не всей полностью – наш Бог...

Я намеренно не вхожу здесь в оценку величины и малости того или другого поэта. Вопрос о силе таланта не имеет значения для тех мыслей, которые мне хотелось высказать. Я думаю, явись теперь, в наше трудное, острое время, стихотворец, по существу подобный нам, но гениальный, – и он очутился бы один на своей узкой вершине; только зубец его

скалы был бы выше, – ближе к небу, – и еще менее внятным казалось бы его молитвенное пение. Пока мы не найдем общего Бога, или хоть не поймем, что стремимся все к Нему, Единственному, – до тех пор наши молитвы, – наши стихи, – живые для каждого из нас, – будут непонятны и не нужны ни для кого.

3. Гиптиус

Песня

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.

И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
Не знаю...

И это желание не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,

Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

1893

Посвящение

Небеса унылы и низки,
Но я знаю – дух мой высок.
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, –
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, –

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю – дух наш высок.

Отрада

Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно.
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.

Но не в земле – я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною
И облачную тенью в небесах.

И будет мне чужда земная сладость
И даже сердцу милая печаль,
Как чужды звездам счастье и радость...
Но мне сознанья моего не жаль,

Покоя жду... Душа моя устала...
Зовет к себе меня природа-мать...
И так легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый друг, отрадно умирать!

Баллада («Сырые проходы...»)

Сырые проходы
Под светлым Днепром,
Старинные своды,
Поросшие мхом.

В глубокой пещере
Горит огонек,
На кованой двери
Тяжелый замок.

И капли, как слезы,
На сводах дрожат.
Затворника грезы
Ночные томят.

Давно уж не спится...
Лампаду зажег,
Хотел он молиться,
Молиться не мог.

– Ты видишь, Спаситель,
Измучился я,
Отдай мне, Учитель,
Где правда твоя!

Посты и вериги
Не Божий завет,
Христос, в Твоей книге
Прощенье и свет.

Я помню: в оконце
Взглянул я на сад;
Там милое солнце, —
Я солнцу был рад.

Там в зарослях темных
Меня не найдут,
Там птичек бездомных
Зеленый приют.

Там плачут сирени
От утренних рос,
Колеблются тени
Прозрачных берез.

Там чайки мелькают
По вольной реке,
И дети играют
На влажном песке.

Я счастлив, как дети,
И понял я вновь,
Что в Божьем завете

Простая любовь.

Темно в моей келье...

Измучился я,

А жизнь, – и веселье,

И правда Твоя, –

Не в пыльных страницах,

Не в тусклых свечах,

А в небе, и птицах,

И звездных лучах.

С любовью, о Боже,

Взглянул я на все:

Ведь это – дороже,

Ведь это – Твое!

1890

Никогда

Предутренний месяц на небе лежит.
Я к месяцу еду, снег чуткий скрипит.

На дерзостный лик я смотрю неустанно,
И он отвечает улыбкою странной.

И странное слово припомнилось мне,
Я всё повторяю его в тишине.

Печальнее месяца свет, недвижимей,
Быстрее мчатся кони и неутомимей.

Скользят мои сани легко, без следа,
А я всё твержу: никогда, никогда!..

О, ты ль это, слово, знакомое слово?
Но ты мне не страшно, боюсь я иного...

Не страшен и месяца мертвенный свет...
Мне страшно, что страха в душе моей нет.

Лишь холод безгорестный сердце ласкает,
А месяц склоняется – и умирает.

Бессилье

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью – над небесами, –
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов.

1893

Снежные хлопья

Глухим путем, неезженным,
На бледном склоне дня
Иду в лесу оснеженном,
Печаль ведет меня.

Молчит дорога странная,
Молчит неверный лес...
Не мгла ползет туманная
С безжизненных небес –

То вьются хлопья снежные
И, мягкой пеленой,
Бесшумные, безбрежные,
Ложатся предо мной.

Пушисты хлопья белые,
Как пчел веселых рой,
Играют хлопья смелые
И гонятся за мной,

И падают, и падают...
К земле всё ближе твердь...
Но странно сердце радуют
Безмолвие и смерть.

Мешается, сливается
Действительность и сон,
Всё ниже опускается
Зловещий небосклон –

И я иду и падаю,
Покорствуя судьбе,
С неведомой отрадою
И мыслью – о тебе.

Люблю недостижимое,
Чего, быть может, нет...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свет!

Твое дыханье нежное
Я чувствую во сне,
И покрывало снежное
Легко и сладко мне.

Я знаю, близко вечное,
Я слышу, стынет кровь...
Молчанье бесконечное...
И сумрак... И любовь.

Сонет («Не страшно мне прикосновенье стали...»)

Не страшно мне прикосновенье стали
И острота и холод лезвия.
Но слишком тупо кольца жизни сжали
И, медленные, душат, как змея.
Но пусть развеются мои печали,
Им не открою больше сердца я...
Они далекими отныне стали,
Как ты, любовь ненужная моя!

Пусть душит жизнь, но мне уже не душно.
Достигнута последняя ступень.
И если смерть придет, за ней послушно
Пойду в ее безгорестную тень: –
Так осенью, светло и равнодушно,
На бледном небе умирает день.

1894

Цветы ночи

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Темны, теплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, –
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, –
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листья...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер...
Всё таинственно, всё неверно...
И мне тихий чудится спор.

Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги, за мною следят.
Всё, что думаю, – знают, слышат
И меня отравить хотят.

О, часу ночному не верьте!
Берегитесь злой красоты.
В этот час мы всех ближе к смерти,
Только живы одни цветы.

1894

Гризельда

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельды светлоокой
Стучит веретено.

В покое отдаленном
И в замке – тишина.
Лишь в озере зеленом
Колышется волна.

Гризельда не устанет,
Свивая бледный лен,
Не выдаст, не обманет
Вернейшая из жен.

Неслыханные беды
Она перенесла:
Искал над ней победы
Сам Повелитель Зла.

Любовною отравой,
И дерзостной игрой,
Манил ее он славой,
Весельем, красотой...

Ей были искушенья
Таинственных утех,
Все радости забвенья
И всё, чем сладок грех.

Но Сатана смирился,
Гризельдой побежден.
И враг людской склонился
Пред лучшею из жен.

Чье ныне злое око
Нарушит тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уехал на войну?

Ряд мирных утешений
Гризельде предстоит;
Обняв ее колени,
Кудрявый мальчик спит.

И в сводчатом покое
Святая тишина.
Их двое, только двое:
Ребенок и она.

У ней льняные косы
И бархатный убор.
За озером – утесы

И цепи вольных гор.

Гризельда смотрит в воду,
Нежданно смущена,
И мнится, про свободу
Лепечет ей волна,

Про волю, дерзновенье,
И поцелуй, и смех...
Лепечет, что смиренье
Есть величайший грех.

Прошли былые беды,
О, верная жена!
Но радостью ль победы
Душа твоя полна?

Всё тише ропот прялки,
Не вьется бледный лен...
О, мир обмана жалкий!
О, добродетель жен!

Гризельда победила,
Душа ее светла...
А всё ж какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой муж далеко,
И помнит ли жену?

Окно твое высоко,
Душа твоя в плену.

И сердце снова жаждет
Таинственных утех...
Зачем оно так страждет,
Зачем так любит грех?

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Дух, ужели ты –
Непонятный Учитель
Великой красоты?

1895

Однообразие

В вечерний час уединенья,
Уныния и утомленья,
Один, на шатких ступенях,
Ищу напрасно утешенья,
Моей тревоги утоленья
В недвижимых, стынущих водах.

Лучей последних отраженья,
Как небывалые виденья,
Лежат на сонных облаках.
От тишины оцепенья
Душа моя полна смятенья...
О, если бы хоть тень движенья,
Хоть звук в тяжелых камышах!

Но знаю, миру нет прощенья,
Печали сердца нет забвенья,
И нет молчанью разрешенья,
И всё навек без измененья
И на земле, и в небесах.

Иди за мной

Полувядавших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.

Мир – успокоенной душе моей.
Ничто ее не радует, не ранит.
Не забывай моих последних дней,
Пойми меня, когда меня не станет.

Я знаю, друг, дорога недлинна,
И скоро тело бедное устанет.
Но ведаю: любовь, как смерть, сильна.
Люби меня, когда меня не станет.

Мне чудится таинственный обет...
И, ведаю, он сердца не обманет, –
Забвения тебе в разлуке нет!
Иди за мной, когда меня не станет.

Осень

Длиннее, чернее
Холодные ночи,
А дни всё короче,
И небо светлее.
Терновник далекий
И реже и суше,
И ветер в осоке,
Где берег высокий,
Протяжней и глуше.
Вода остывает,
Замолкла плотина,
И тяжкая тина
Ко дну оседает.
Бестрепетно Осень
Пустыми очами
Глядит меж стволами
Задумчивых сосен,
Прямых, тонколистных
Берез золотистых, –
И нити, как Парка,
Седой паутины
Свивает и тянет
По гроздьям рябины,
И ласково манит

В глубь сонного парка...
Там сумрак, там сладость,
Всё Осени внемлет,
И тихая радость
Мне душу объемлет.
Приветствую смерть я
С бездумной отрадой,
И муки бессмертья
Не надо, не надо!
Скользят, улетают –
Бесплотные – тают
Последние тени
Последних волнений,
Живых утомлений –
Пред отдыхом вечным...
Пускай без видений,
Покорный покою,
Усну под землю
Я сном бесконечным...

1895

К пруду

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть,
Я не умею жить с людьми.

И знаю, с ними – задохнусь.
Я весь иной, я чуждой веры.
Их ласки жалки, ссоры серы...
Пусти меня! Я их боюсь.

Не знаю сам, куда пойду.
Они везде, их слишком много...
Спущусь тропинкою отлогой
К давно затихшему пруду.

Они и тут – но отвернусь,
Следов их наблюдать не стану,
Пускай обман – я рад обману...
Уединенью предаюсь.

Вода прозрачнее стекла.
Над ней и в ней кусты рябины.
Вдыхаю запах бледной тины...
Вода немая умерла,

И неподвижен тихий пруд...
Но тишине не доверяю,
И вновь душа трепещет, – знаю,
Они меня и здесь найдут.

И слышу, кто-то шепчет мне:
«Скорей, скорей! Уединенье,
Забвение, освобожденье –
Лишь там... внизу... на дне... на дне...»

1895

Крик

Изнемогаю от усталости,
Душа изранена, в крови...
Ужели нет над нами жалости,
Ужель над нами нет любви?

Мы исполняем волю строгую,
Как тени, тихо, без следа,
Неумолимою дорогою
Идем – неведомо куда.

И ноша жизни, ноша крестная,
Чем далее, тем тяжелей...
И ждет кончина неизвестная
У вечно запертых дверей.

Без ропота, без удивления
Мы делаем, что хочет Бог.
Он создал нас без вдохновения
И полюбить, создав, не мог.

Мы падаем, толпа бессильная,
Бессильно веря в чудеса,
А сверху, как плита могильная,
Слепые давят небеса.

Любовь – одна

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь – одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем – но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна – любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И всё ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

Сентиментальное стихотворенье

Час одиночества укромный,
Снегов молчанье за окном,
Тепло... Цветы... Свет лампы томный –
И письма старые кругом.

Бегут мгновения немые...
Дыханье слышу тишины...
И милы мне листы живые
Живой и нежной старины.

Истлело всё, что было тленьем,
Осталась радость чистоты.
И я с глубоким умиленьем
Читаю бледные листы.

«Любовью, смерти неподвластной,
Люблю всегда, люблю навек...»
Искал победы не напрасно
Над смертью смелый человек.

Душа, быть может, разлюбила –
Что нам до мимолетных снов?
Хранит таинственная сила
Бессмертие рожденных слов.

Они когда-то прозвучали...
Пусть лжив торжественный обет,
Пускай забыты все печали –
Словам, словам забвенья нет!

Теснятся буквы черным роем,
Неверность верную храня,
И чистотою, и покоем
От лжи их веет на меня.

Живите, звуков сочетанья,
И повторяйтесь без конца.
Вы, сердца смертного созданья,
Сильнее своего творца.

.....

Летит мгновенье за мгновеньем,
Молчат снега, и спят цветы...
И я смотрю с благоговеньем
На побледневшие листы.

Ты любишь?

Был человек. И умер для меня.
И, знаю, вспоминать о нем не надо.
Концу всегда, как смерти, сердце радо,
Концу земной любви – закату дня.

Уснувшего я берегу покой.
Да будет легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цепи звенья...
Но злая жизнь меня свела – с тобой.

Когда бываем мы наедине –
Тот, мертвый, третий – вечно между нами.
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою – обо мне.

Увы! в тебе, как и, бывало, в нем,
Не верность – но и не измена...
И слышу страшный, томный запах тлена
В твоих речах, движениях, – во всем.

Безогненного чувства твоего,
Чрез мертвеца в тебе, – не принимаю;
И неизменно-строгим сердцем знаю,
Что не люблю тебя, как и его.

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я всё уединенное,
Неявное люблю.

Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

Родина

В темнице сидит заключенный
Под крепкою стражей,
Неведомый рыцарь, плененный
Изменою вражей.

И думает рыцарь, горюя:
«Не жалко мне жизни.
Мне страшно одно, что умру я
Далекий отчизне.

Стремлюся я к ней неизменно
Из чуждого края
И думать о ней, незабвенной,
Хочу, умирая».

Но ворон на прутья решетки
Садится беззвучно.
«Что, рыцарь, задумался, кроткий?
Иль рыцарю скучно?»

Тревогою сердце забилося,
И рыцарю мнится –
С недоброю вестью явилась
Недобрая птица.

«Тебя не посмею спугнуть я,
Ты здешний, – я дальний...
Молю, не цепляйся за прутья,
О, ворон печальный!

Меня с моей думой бесплодной
Оставь, кто б ты ни был».
Отвечствует гость благородный:
«Я вестником прибыл.

Ты родину любишь земную,
О ней помышляешь.
Скажу тебе правду иную –
Ты правды не знаешь.

Отчизна тебе изменила,
Навеки ты пленный;
Но мира она не купила
Напрасной изменой:

Предавшую предали снова –
Лукаво напали,
К защите была не готова,
И родину взяли.

Покрыта позором и кровью,
Исполнена страха...
Ужели ты любишь любовью

Достойное праха?»

Но рыцарь вскочил, пораженный
Неслыханной вестью,
Объят его дух возмущенный
И гневом, и мезтью;

Он ворона, гонит с укором
От окон темницы...
Но вдруг отступил он под взором
Таинственной птицы.

И снова спокойно и внятно,
Как будто с участием,
Сказал ему гость непонятный:
«Смирись пред несчастьем.

Истлело достойное тленья,
Всё призрак, что было.
Мы живы лишь силой смиренья,
Единою силой.

Не веруй, о рыцарь мой, доле
Постыдной надежде.
Не думай, что был ты на воле
Когда-либо прежде.

Пойми – это сон был свободы,
Пускай и короткий.

Ты прожил все долгие годы
В плену, за решеткой.

Ты рвался к далекой отчизне,
Любя и страдая.
Есть родина, чуждая жизни,
И вечно живая».

Умолк... И шуршат только перья
О прутья лениво.
И рыцарь молчит у преддверья
Свободы нелживой.

1897

Сонет («Один я в келии неосвященной...»)

Один я в келии неосвященной.
С предутреннего неба, из окна,
Глядит немилая, холодная весна.
Но, неприветным взором не смущенной,

Своей душе, в безмолвие влюбленной,
Не страшно быть одной, в теки, без сна.
И слышу я, как шепчет тишина
О тайнах красоты невоплощенной.

Лишь неразгаданным мечтанья полны.
Не жду и не хочу прихода дня.
Гармония неслышная таится
В тенях, в нетрепетной заре... И мнится:
Созвучий нерожденных вокруг меня
Поют и плещут жалобные волны.

1897

Вечерняя заря

Я вижу край небес в дали безбрежной
И ясную зарю.

С моей душой, безумной и мятежной,
С душою говорю.

И если боль ее земная мучит –

Она должна молчать.

Ее заря небесная научит

Безмолвно умирать.

Не забывай Господнего завета,

Душа, – молчи, смирись...

Полна бесстрастья, холода и света

Бледнеющая высь.

Повеяло нездешнюю прохладой

От медленной зари.

Ни счастья, ни радости – не надо.

Гори, заря, гори!

1897

ПЫЛЬ

Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной.
Напрасно я бегу от праха –
Я всюду с ним, и он со мной.

Мне в очи смотрит ночь нагая,
Унылая, как темный день.
Лишь тучи, низко набегая,
Дают ей мертвенную тень.

И ветер, встав на миг единый,
Дождемдохнул – и вмиг исчез.
Волокна серой паутины
Плывут и тянутся с небес.

Ползут, как дни земных событий,
Однообразны и мутны.
Но сеть из этих легких нитей
Тяжеле смертной пелены.

И в прахе душном, в дыме пыльном,
К последней гибели спеша,
Напрасно в ужасе бессильном
Оковы жизни рвет душа.

А капли тонкие по крыше
Едва стучат, как в робком сне.
Молю вас, капли, тише, тише...
О, тише плачьте обо мне!

1897

Вечер

Июльская гроза, шумя, прошла.
И тучи уплывают полосой.
Лазурь неясная опять светла...
Мы лесом едем, влажною тропею.

Спускается на землю бледный мрак.
Сквозь дым небесный виден месяц юный,
И конь всё больше замедляет шаг,
И вожжи тонкие дрожат, как струны.

Порою, туч затихнувшую тьму
Вдруг молния безгромная разрежет.
Легко и вольно сердцу моему,
И ветер, пролетая, листья нежит.

Колеса не стучат по колеям.
Отяжелев, поникли долу ветки...
А с тихих нив и с поля, к небесам,
Туманный пар плывет, живой и редкий...

Как никогда, я чувствую – я твой,
О милая и строгая природа!
Живу в тебе, потом умру с тобой...
В душе моей покорность – и свобода.

Молитва

Тени луны неподвижные...
Небо серебряно-черное...
Тени, как смерть, неподвижные...
Живо ли сердце покорное?

Кто-то из мрака молчания
Вызвал на землю холодную,
Вызвал от сна и молчания
Душу мою несвободную.

Жизни мне дал унижение,
Боль мне послал непонятную...
К Давшему мне унижение
Шлю я молитву невнятную.

Сжался, о Боже, над слабостью
Сердца, Тобой сотворенного,
Над бесконечную слабостью
Сердца, стыдом утомленного.

Я – это Ты, о Неведомый,
Ты – в моем сердце, Обиженный,
Так подними же, Неведомый,
Дух Твой, Тобою униженный,

Прежнее дай мне безмолвие,
О, возврати меня вечности...
Дай погрузиться в безмолвие,
Дай отдохнуть в бесконечности!..

1897

Серенада

Из лунного тумана
Рождаются мечты.
Пускай, моя Светлана,
Меня не любишь ты.

Пусть будет робкий лепет
Неуловимо тих,
Пусть тайным будет трепет
Незвучных струн моих.

Награды не желая,
Душа моя горит.
Мой голос, дорогая,
К тебе не долетит.

Я счастье ненавижу,
Я радость не терплю.
О, пусть тебя не вижу,
Тем глубже я люблю.

Да будет то, что будет,
Светла печаль моя.
С тобой нас Бог рассудит –
И к Богу ближе я.

Ищу мою отраду
В себе – люблю тебя.
И эту серенаду
Слагаю для себя.

1897

Снег

Опять он падает, чудесно молчаливый,
Легко колеблется и опускается...
Как сердцу сладостен полет его счастливый!
Несуществующий, он вновь рождается...

Всё тот же, вновь пришел, неведомо откуда,
В нем холода соблазны, в нем забвение...
Я жду его всегда, как жду от Бога чуда,
И странное с ним знаю единение.

Пускай уйдет опять – но не страшна утрата.
Мне радостен его отход таинственный.
Я вечно буду ждать безмолвного возврата,
Тебя, о ласковый, тебя, единственный.

Он тихо падает, и медленный и властный...
Безмерно счастлив я его победою...
Из всех чудес земли тебя, о снег прекрасный,
Тебя люблю... За что люблю – не ведаю...

1897

Апельсинные цветы

Н. В.-т

О, берегитесь, убегайте
От жизни легкой пустоты.
И прах земной не принимайте
За апельсинные цветы.

Под серым небом Таормины
Среди глубин некрасоты
На миг припомнились единый
Мне апельсинные цветы.

Поверьте, встречи нет случайной, –
Как мало их среди суеты!
И наша встреча дышит тайной,
Как апельсинные цветы.

Вы счастья ищете напрасно,
О, вы боитесь высоты!
А счастье может быть прекрасно.
Как апельсинные цветы.

Любите смелость нежеланья,
Любите радости молчанья,

Неисполнимые мечты,
Любите тайну нашей встречи,
И все несказанные речи,
И апельсиновые цветы.

1897

Лестница

Сны странные порой нисходят на меня.
И снилось мне: наверх, туда, к вечерним теням,
На склоне серого и ветреного дня,
Мы шли с тобой вдвоем, по каменным ступеням.

С неласковой для нас небесной высоты
Такой неласковою веяло прохладой;
И апельсиновые невинные цветы
Благоухали там, за низкою оградой.

Я что-то важное и злое говорил...
Улыбку помню я, испуганно-немую...
И было ясно мне: тебя я не любил,
Тебя, недавнюю, случайную, чужую...

Но стало больно, странно сердцу моему,
И мысль внезапная мне душу осветила,
О, нелюбимая, не знаю почему,
Но жду твоей любви! Хочу, чтоб ты любила!

1897

Улыбка

Поверьте, нет, меня не соблазнит
Печалей прежних путь давно пройденный.
Увы! душа покорная хранит
Их горький след, ничем не истребленный.

Года идут, но сердце вечно то же.
Ничто для нас не возвратится вновь,
И ныне мне всех радостей дороже
Моя неразделенная любовь.

Ни счастья в ней, ни страха, ни стыда.
Куда ведет она меня – не знаю...
И лишь в одном душа моя тверда:
Я изменяюсь, – но не изменяю.

1897

Мгновение

Сквозь окна светится небо высокое,
Вечернее небо, тихое, ясное.
Плачет от счастья сердце мое одинокое,
Радо оно, что небо такое прекрасное.

Горит тихий, предночный свет,
От снега исходит радость моя.
И в мире теперь никого нет.
В мире только Бог, небо и я.

1898

Круги

Я помню: мы вдвоем сидели на скамейке.
Пред нами был покинутый источник и тихая зелень.
Я говорил о Боге, о созерцании и жизни...
И, чтоб понятней было моему ребенку,
я легкие круги чертил на песке.
И год минул. И нежная, как мать, печаль
меня на ту скамейку привела.
Вот покинутый источник,
та же тихая зелень,
те же мысли о Боге, о жизни.
Только нет безвинно-умерших, невоскресших слов,
и нет дождем смытых,
землей скрытых,
моих ясных, легких кругов.

1899

Последнее

Порой всему, как дети, люди рады
И в легкости своей живут веселой.
О, пусть они смеются! Нет отрады
Смотреть во тьму души моей тяжелой.

Я не нарушу радости мгновенной,
Я не открою им дверей сознания,
И ныне, в гордости моей смиренной,
Даю обет великого молчанья.

В безмолвьи прохожу я мимо, мимо,
Закрыв лицо, – в неузнанные дали,
Куда ведут меня неумолимо
Жестокие и смелые печали.

1900

Прогулка вдвоем

Дорога всё выше да выше,
Всё гуще зеленые сени,
Внизу – чуть виднеются крыши,
В долине – лиловые тени,
Дорога всё выше да выше...
Мы с нею давно уж в пути,
И знаю – нам надо идти.

Мы слабы и очень устали,
Но вверх все идем мы послушно.
Под кленами мы отдыхали.
Но было под кленами душно...
Мы слабы и очень устали.
Я ведал, что трудны пути,
Но верил, что надо идти.

Она – всё слабее и тише...
Ее поддержать я пытался,
Но путь становился всё выше,
Всё круче наверх подымался,
И шла она тише да тише...
И стала она на пути.
Не знала, что надо идти.

И было на сердце тревожно...
Я больше помочь не умею.
Остаться в пути невозможно,
Спускаться назад я не смею,
И было на сердце тревожна
Она испугалась пути,
Она не посмела дойти.

И вот я бреду одинокий,
А полдень тяжелый и жаркий...
Тропой каменистой, широкой
Иду я в бестенности яркой,
Иду всё наверх, одинокий...
Я бросил ее на пути.
Я знаю: я должен идти.

1900

Соблазн

П. П. Перцову

Великие мне были искушенья.
Я головы пред ними не склонил.
Но есть соблазн... соблазн уединенья...
Его доньше я не победил.

Зовет меня лампада в тесной келье,
Многообразие последней тишины,
Блаженного молчания веселье –
И нежное вниманье сатаны.

Он служит: то светильник зажигает,
То рясу мне поправит на груди,
То спавшие мне четки подымает
И шепчет: «С Нами будь, не уходи!

Ужель ты одиночества не любишь?
Уединение – великий храм.
С людьми... их не спасешь, себя погубишь,
А здесь, один, ты равен будешь Нам.

Ты будешь и не слышать, и не видеть,
С тобою – только Мы да тишина.

Ведь тот, кто любит, должен ненавидеть,
А ненависть от Нас запрещена.

Давно тебе моя любезна нежность...
Мы вместе, вместе... и всегда одни;
Как сладостна спасенья безмятежность!
Как радостны лампадные огни!»

.....

О, мука! О, любовь! О, искушенья!
Я головы пред вами не склонил.
Но есть соблазн, – соблазн уединенья,
Его никто еще не победил.

1900

Стук

Полночная тень. Тишина.
Стук сердца и стук часов.
Как ночь непонятно черна!
Как тяжек ее покров!

Но знаю: бессильных сердец
Еще неподвижной мрак.
Тебе я молюсь, о Отец!
Поддай мне голос, иль знак!

Сильней, чем себя и людей,
Я душу свою люблю.
И надвое волей моей
Я душу переломлю.

И стала живой тишина.
В ней, темной, слышу ответ:
Пусть ночь бесконечно длинна, —
Из тьмы да родится свет!

1900

Там

Я в лодке Харона, с гребцом безучастным.
Как олово, густы тяжелые воды.
Туманная сырость над Стиксом безгласным.
Из темного камня небесные своды.
Вот Лета. Не слышу я лепета Леты.
Беззвучны удары раскидистых весел.
На камень небесный багровые светы
Фонарь наш неяркий и трепетный бросил.
Вода непрозрачна и скована ленью...
Разбужены светом, испуганы тенью,
Преследуют лодку в бесшумной тревоге
Тупая сова, две летучие мыши,
Упырь тонкокрылый, седой и безногий...
Но лодка скользит не быстрее и не тише.
Упырь меня тронул крылом своим влажным...
Бездумно слежу я за стаей послушной,
И всё мне здесь кажется странно-неважным,
И сердце, как там, на земле, – равнодушно.
Я помню, конца мы искали порою,
И ждали, и верили смертной надежде...
Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.
Ни боли, ни счастья, ни страха, ни мира,
Нет даже забвения в ропоте Леты...

Над Стиксом безгласным туманно и сыро,
И алые бродят по камням отсветы.

1900

Любовь

В моей душе нет места для страдания:

Моя душа – любовь.

Она разрушила свои желанья,

Чтоб воскресить их вновь.

В начале было Слово. Ждите Слова.

Откроется оно

Что совершалось – да свершится снова,

И вы, и Он – одно.

Последний свет равно на всех прольется,

По знаку одному.

Идите все, кто плачет и смеется,

Идите все – к Нему.

К Нему придем в земном освобожденья,

И будут чудеса.

И будет всё в одном соединены! –

Земля и небеса.

1900

Конец

Огонь под золою дышал незаметней,
Последняя искра, дрожа, угасала,
На небе весеннем заря догорала,
И был пред тобою я всё безответней,
Я слушал без слов, как любовь умирала.

Я ведал душой, навсегда покоренной,
Что слов я твоих не постигну случайных,
Как ты не поймешь моих радостей тайных,
И, чуждая вечно всему, что бездонно,
Зари в небесах не увидишь бескрайных.

Мне было не грустно, мне было не больно,
Я думал о том, как ты много хотела,
И мало свершила, и мало посмела;
Я думал о том, как в душе моей вольно,
О том, что заря в небесах – догорела...

1901

Дар

Ни о чем я Тебя просить не смею,
всё надобное мне – Ты знаешь сам;
но жизнь мою, – то, что имею, –
несу ныне к Твоим ногам.
Тебе Мария умыла ноги,
и Ты ее с миром отпустил;
верю, примешь и мой дар убогий,
и меня простишь, как ее протил.

1901

Нескорбному учителю

Иисус, в одежде белой,
Прости печаль мою!
Тебе я дух несмелый
И тяжесть отдаю.

Иисус, детей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я Тебя люблю

1901

Предел

Д. В. Философову

Сердце исполнено счастьем желанья,
Счастьем возможности и ожиданья, –
Но и трепещет оно и боится,
Что ожидание – может свершиться...
Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем,
Звуков хотим, – но созвучий боимся,
Праздным желаньем пределов томимся,
Вечно их любим, вечно страдая, –
И умираем, не достигая...

1901

Христу

Мы не жили – и умираем
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но как узнаем
Тебя – мы?

Всё дрожим и себя стыдимся,
Тяжел мрак.
Мы молчаний Твоих боимся...
О, дай знак!

Если нет на земле надежды –
То всё прах.
Дай коснуться Твоей одежды,
Забуть страх.

Ты во дни, когда был меж нами,
Сказал Сам:
«Не оставлю вас сиротами,
Приду к вам».

Нет Тебя. Душа не готова,
Не бил час.
Но мы верим, – Ты будешь снова
Среди нас.

Тихое пламя

Я сам найду мою отраду.
Здесь все мое, здесь только я.
Затеплю тихую лампаду,
Люблю ее. Она моя.

Как пламя робкое мне мило!
Не ослепляет и не жжет.
Зачем мне грубое светило
Недосягаемых высот?

.....

Увы! Заря меня тревожит
Сквозь шелк содвинутых завес,
Огонь трепещущий не может
Бороться с пламенем небес.

Лампада робкая бледнеет...
Вот первый луч – вот алый меч...
И плачет сердце... Не умеет
Огня лампадного сберечь!

1901

Мертвая заря

Пусть загорается денница,
В душе погибшей – смерти мгла.
Душа, как раненая птица,
Рвалась взлететь – но не могла.

И клонит долу грех великий,
И тяжесть мне не по плечам.
И кто-то жадный, темноликий,
Ко мне приходит по ночам.

И вот – за кровь плачу я кровью.
Друзья! Вы мне не помогли
В тот час, когда спасти любовью
Вы сердце слабое могли.

О, я вины не налагаю:
Я в ваши верую пути,
Но гаснет дух... И ныне – знаю –
Мне с вами вместе не идти.

1901

Глухота

Часы стучат невнятные,
Нет полной тишины.
Все горести – понятные,
Все радости – скучны.

Угроза одиночества,
Свидания обет...
Не верю я в пророчества
Ни счастья, ни бед.

Не жду необычайного:
Всё просто и мертво.
Ни страшного, ни тайного
Нет в жизни ничего.

Везде однообразие,
Мы – дети без Отца,
И близко безобразия
Последнего конца.

Но слабости смирения
Я душу не отдам.
Не надо искупления
Кощунственным словам!

Песни русалок

(Из драмы «Святая кровь»)

1

Мы белые дочери
озера светлого,
от чистоты и прохлады мы родились.
Пена, и тина, и травы нас нежат,
легкий, пустой камыш ласкает;
зимой подо льдом, как под теплым стеклом,
мы спим, и нам снится лето.
Всё благо: и жизнь! и явь! и сон!

Мы солнца смертельно-горячего
не знаем, не видели;
но мы знаем его отражение, –
мы тихую знаем луну.
Влажная, кроткая, милая, чистая,
ночью серебряной вся золотистая,
она – как русалка – добрая...
Всё благо: и жизнь! и мы! и луна!

но мы знаем его отражение, –
мы тихую знаем дуну.

Влажная, кроткая, милая, чистая,
ночью серебряной вся золотистая,
она – как русалка – добрая...

Всё благо: и жизнь! и мы! и луна!
У берега, меж камышами,
скользит и тает бледный туман.

Мы ведаем: лето сменится зимою,
зима – весной много раз,
и час наступит сокровенный,
как все часы – благословенный,
когда мы в белый туман растаем,
и белый туман растает.

И новые будут русалки,
и будет луна им светить, –
и так же с туманом они растут.
Всё благо: и жизнь! и мы! и свет! и смерть!

2

Вода в камышах колыхается.
В небе загорелись зеленые звезды.
Над лесом луна подымается.
Смотрите, сестрицы, гаснут звезды!
Туман, как живой, извивается...
Туман – это наша душа водяная.

Он редет и, тая, скрывается...

Туман – наша жизнь и наша смерть водяная.

В эту ночь все мы живы да радостны,
веселье наше – как лунный свет.

Давайте ж, перекликнемся,
все друг дружке голос подадим!

Мы, озерные, речные, лесные,
долинные, пустынные,

подземные и наземные,
великие и малые

мохнатые и голые,

все друг дружке о себе знать дадим!

О-йе! О-йе!

Отвечайте, братцы! Отвечайте, сестрицы!

1901

До дна

Тебя приветствую, моё поражение,
тебя и победу я люблю равно;
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль – всегда одно.
Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, – всё бродит туман;
в последней жестокости – есть бездонность нежности,
и в Божией правде – Божий обман.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
надо всякую чашу пить – до дна.

1901

В гостиной

Серая комната. Речи не спешные,
Даже не страшные, даже не грешные.
Не умиленные, не оскорбленные,
Мертвые люди, собой утомленные...
Я им подражаю. Никого не люблю.
Ничего не знаю. Я тихо сплю.

Электричество

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» – не слиты,
Не слиты – сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся –
Другие «да» и «нет»,
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет – Свет.

1901

Луговые лютики

А. М-ву

Мы – то же цветенье
Средь луга цветного,
Мы – то же растенье,
Но роста иного.
Нас выгнало выше,
А братья отстали.
Росли ль они тише?
Друг к другу припали,
Так ровно и цепко,
Головка с головкой...
Стоят они крепко,
Стоять им так ловко...
Ковер всё плотнее,
Весь низкий, весь ниже...
Нам – небо виднее,
И солнце нам ближе,
Ручей нам и звонок,
И песнь его громче, –
Но стебель наш тонок,
Мы ломче, мы ломче...

Земля («Минута бессилья...»)

Минута бессилья...
Минута раздумия...
И сломлены крылья
Святого безумия.

Стою над могилой,
Где спит дерзновение...
О, всё это было –
Веселье, волнение,

И радость во взоре
Молитвенно-чистая,
Весенние зори,
Сирень восьмилистая...

Ужель это было?
Какое обманное!
Стою над могилой
С надеждой странною...

Под пылью и прахом
Ищу я движения,
С молитвой, со страхом
Я жду – воскресения...

Но ждать всё страшнее...
Стою без защиты я...
Смеется, чернея,
Могила открытая;

Я требую чуда
Душою всеильною...
Но веет оттуда –
Землею могильною...

1902

Кровь

Я призываю Любовь,
Я открываю Ей сердце.
Алая, алая кровь,
Тихое, тихое сердце.

Руку мою приготовь,
Верой овей мое сердце.
Алая, алая кровь,
Тихое, тихое сердце.

Тайному не прекословь.
В Тайне теперь мое сердце.
Алая, алая кровь,
Тихое, тихое сердце.

Путь наш единый, Любовь!
Слей нас в единое сердце!
Алая, алая кровь,
Вещее, вещее сердце...

1901

Истина или счастье?

В. К.

Вам страшно за меня – а мне за вас.
Но разный страх мы разумеем.
Пусть схожие мечтания у нас, –
Мы разной жалостью жалеем.

Вам жаль «по-человечески» меня.
Так зол и тяжек путь исканий!
И мне дороги тихой, без огня
Желали б вы, боясь страданий.

Но вас – «по-Божьему» жалею я.
Кого люблю – люблю для Бога.
И будет тем светлей душа моя,
Чем ваша огненной дорога.

Я тихой пристани для вас боюсь,
Уединенья знаю власть я;
И не о счастья для вас молюсь –
О том молюсь, что выше счастья.

Не знаю

Мое одиночество – бездонное, безгранное;
но такое душное; такое тесное;
приползло ко мне чудовище, ласковое, странное,
мне в глаза глядит и что-то думает – неизвестное.

Всё зовет меня куда-то и сулит спасение – неизвестное;
и душа во мне горит... ему принадлежу отныне я;
всё зовет меня и обещает радость и мученье крестное,
и свободу от любви и от уныния.

Но как отречься от любви и от уныния?
Еще надеждою душа моя окована.
Уйти не смею я... И для меня есть скиния, –
но я не знаю, где она мне уготована.

1901

Христианин

По Ефр. Сирину

Всё прах и тлен, всё гниль и грех,
Позор – любовь, безумство – смех,
Повсюду мрак, повсюду смрад,
И проклят мир, и проклят брат.

Хочу оков, хочу цепей...
Идите прочь с моих путей!
К Нему – мой вздох, к Нему – мой стон,
В затвор иду – в затворе Он!

1901

Другой христианин

Никто меня не поймет –
и не должен никто понять.
Мне душу страдание жжет,
И радость мешает страдать.

Тяжелые слезы свечей
и шелест чуть слышных слов...
В сиянии лампадных лучей
поникшие стебли цветов,

рассвет несветлого дня, –
всё – тайны последней залог...
И, тайну мою храня,
один я иду за порог.

Со мною меч – мой оплот,
я крепко держу рукоять...
Никто меня не поймет –
и не должен никто понять.

«Я»

(От чужого имени)

Я Богом оскорблен навек.
За это я в Него не верю.
Я самый жалкий человек,
Я перед всеми лицемерю.

Во мне – ко мне – больная страсть:
В себя гляжу, сужу, да мерю...
О, если б сила! Если б – власть!
Но я, любя, в себя не верю.

И всё дрожу, и всех боюсь,
Глаза людей меня пугают...
Я не даюсь, я сторонюсь,
Они меня не угадают.

А всё ж уйти я не могу;
С людьми мечтаю, негодую...
Стараясь скрыть от них, что лгу,
О правде Божией толкую, –

И так веду мою игру,
Хоть притворяться надоело...
Есмь только – я... И я – умру!

До правды мне какое дело?

Но не уйду; я слишком слаб;
В лучах любви чужой я греюсь;
Людей и лжи я вечный раб,
И на свободу не надеюсь.

Порой хочу я всех проклясть –
И лишь несмело обижаю...
Во мне – ко мне – больная страсть.
Люблю себя – и презираю.

1901

Предсмертная исповедь христианина

А.-К.

Подолгу бремя жизни нес
Я, долгу мрачному послушен.
Мне мир казался миром слез,
И к смерти был я равнодушен.

Несправедливостью судеб
Я огорчился в час раздумий,
Но зарабатывал мой хлеб
Без возмущений и безумий.

Не ненавидел никого
И не любил я через меру.
В конец, блаженный для всего,
Хранил заботливую веру.

Всегда скромны мои мечты, –
Мечтал о том лишь, что возможно...
И от соблазнов красоты
Я удалялся осторожно.

Я тихо жил – умру легко;

Был ни веселым, ни унылым;
Не заносился высоко
И брал лишь то, что мне по силам.

Я, раб Господень (имярек),
Кончиной близкою утешен.
Я очень скромный человек;
Господь простит мне, в чем и грешен.

1902

Как все

Не хочу, ничего не хочу,
Принимаю всё так, как есть.
Изменять ничего не хочу.
Я дышу, я живу, я молчу.

Принимаю и то, чему быть.
Принимаю болезнь и смерть.
Да исполнится всё, чему быть!
Не хочу ни ломать, ни творить.

И к чему оно всё – Бог весть!
Но да будет всё так, как есть.
Нерушимы земля и твердь.
Неизменны и жизнь, и смерть.

1901

Смирeнность

Учитель жизни всех нас любит
И дал нам силы – по судьбе.
Смирeннoмудрие нас губит
И страсть к себе.

Глаза и лица закрываем,
Бежим от узкого пути...
Зачем мы лжем? Мы знаем, знаем,
Куда идти!

1901

О другом

Господь. Отец.
Мое начало. Мой конец.
Тебя, в Ком Сын, Тебя, Кто в Сыне,
Во имя Сына прошу я ныне
И зажигаю пред Тобой
Мою свечу.
Господь. Отец. Спаси, укрой –
Кого хочу.

Тобою дух мой воскресает.
Я не о всех прошу, о Боже,
Но лишь о том,
Кто предо мною погибает,
Чье мне спасение дороже,
О нем, – одном.

Прими, Господь, мое хотенье!
О, жги меня, как я – свечу,
Но ниспошли освобожденье,
Твою любовь, Твое спасенье –
Кому хочу.

Страх и смерть

Я в себе, от себя, не боюсь ничего,
Ни забвенья, ни страсти.
Не боюсь ни унынья, ни сна моего –
Ибо всё в моей власти.

Не боюсь ничего и в других, от других;
К ним нейду за наградой;
Ибо в людях люблю не себя... И от них
Ничего мне не надо.

И за правду мою не боюсь никогда,
Ибо верю в хотенье.
И греха не боюсь, ни обид, ни труда...
Для греха – есть прощенье.

Лишь одно, перед чем я навеки без сил, –
Страх последней разлуки.
Я услышу холодное веянье крыл...
Я не вынесу муки.

О Господь мой и Бог! Пожалей, успокой,
Мы так слабы и наги!
Дай мне сил перед Ней, чистоты пред Тобой
И пред жизнью – отваги...

Швея

Уж третий день ни с кем не говорю...
А мысли – жадные и злые.
Болит спина; куда ни посмотрю –
Повсюду пятна голубые.

Церковный колокол гудел; умолк;
Я всё наедине с собою.
Скрипит и гнется жарко-алый шелк
Под неумелою иглою.

На всех явлениях лежит печать.
Одно с другим как будто слито.
Приняв одно – стараюсь угадать
За ним другое, – то, что скрыто.

И этот шелк мне кажется – Огнем.
И вот уж не огнем – а Кровью.
А кровь – лишь знак того, что мы зовем
На бедном языке – Любовью.

Любовь – лишь звук... Но в этот поздний час
Того, что дальше, – не открою.
Нет, не огонь, не кровь... а лишь атлас
Скрипит под робкою иглою.

Ограда

В пути мои погасли очи.
Давно иду, давно молчу.
Вот, на заре последней ночи
Я в дверь последнюю стучу.
Но там, за стрельчатой оградой –
Молчанье, мрак и тишина.
Мне достучаться надо, надо,
Мне надо отдыха и сна...
Ужель за подвиг нет награды?
Я чашу пил мою до дна...
Но там, за стрелами ограды –
Молчанье, мрак и тишина.

Стучу, кричу: нас было трое,
И вот я ныне одинок.
Те двое – выбрали иное,
Я их молил, но что я мог?
О, если б и они желали,
Как я – любили... мы теперь
Все трое вместе бы стучали
Последней ночью в эту дверь.
Какою было бы отрадой
Их умолить... но все враги.
И вновь стучу. И за оградой

Вот чьи-то тихие шаги.
Но между ним и мной – ограда.
Я слышу только шелест крыл
И голос, – легкий, как прохлада.
Он говорит: «А ты – любил?
Вас было трое. Трех мы знаем,
Троим – вам быть здесь суждено.
Мы эти двери открываем
Лишь тем, кто вместе – и одно.
Ты шел за вечною усладой,
Пришел один, спасал себя...
Но будет вечно за оградой,
Кто к ней приходит – не любя».

И не открылись двери сада;
Ни оправданья, ни венца;
Темна высокая ограда...
Мне достучаться надо, надо,
Молюсь, стучу, зову Отца –
Но нет любви, – темна ограда,
Но нет любви, – и нет Конца.

Сосны

Желанья всё безмернее,
Всё мысли об одном.
Окно мое вечернее,
И сосны под окном.

Стволы у них багровые,
Колюч угрюмый сад.
Суровые, сосновые
Стволы скрипят, скрипят.

Безмернее хотения,
Мечтания острее –
Но это боль сомнения
У запертых дверей.

А сосны всё качаются
И всё шумят, шумят,
Как будто насмеваются,
Как будто говорят:

«Бескрылые, бессильные,
Унылые мечты.
Взгляни: мы тоже пыльные,
Сухие, как и ты.

Качаемся, беспечные,
Нет лета, нет зимы...
Мы мертвые, мы вечные,
Твоя душа – и мы.

Твоя душа, в мятежности,
Свершений не дала.
Твоя душа без нежности,
А сердце – как игла».

Не слушаю, не слушаю,
Проклятье, иглы, вам!
И злomu равнодушию
Себя я не предаю,

Любви хочу и веры я...
Но спит душа моя.
Смеются сосны серые,
Колючие – как я.

1902

СНЫ

Всё дождик да дождик... Всё так же качается
Под мокрым балконом верхушка сосны...
О, дни мои мертвые! Ночь надвигается –
И я оживаю. И жизнь моя – сны.

И вплоть до зари, пробуждения вестницы, –
Я в мире свершений. Я радостно сплю.
Вот узкие окна... И белые лестницы...
И все, кто мне дорог... И всё, что люблю.

Притихшие дети, веселые странники,
И те, кто боялся, что сил не дано...
Все ныне со мною, все ныне избранники,
Одною любовью мы слиты в одно.

Какие тяжелые волны курения,
Какие цветы небывалой весны,
Какие молитвы, какие служения...
Какие живые, великие сны!

1901

Тетрадь любви

(Надпись на конверте)

Сегодня заря встает из-за туч.
Пологом туч от меня она спрятана.
Не свет и не мгла... И темен сургуч,
Которым «Любовь» моя запечатана.

И хочется мне печати сломать...
Но воля моя смирением связана.
Пусть вечно закрытой лежит тетрадь,
Пусть будет Любовь моя – недосказана.

1901

Два сонета

Л. С. Баксту

1. Спасение

Мы судим, говорим порою так прекрасно,
И мнится – силы нам великие даны.
Мы проповедуем, собой упоены,
И всех зовем к себе решительно и властно.

Увы нам: мы идем дорогою опасной.
Пред скорбию чужой молчать обречены, –
Мы так беспомощны, так жалки и смешны,
Когда помочь другим пытаемся напрасно.

Утешит в горести, поможет только тот,
Кто радостен и прост и верит неизменно,
Что жизнь – веселие, что всё – благословенно;
Кто любит без тоски и как дитя живет.
Пред силой истинной склоняюсь я смиренно;
Не мы спасаем мир: любовь его спасет.

2. Нить

Через тропинку в лес, в уютности приветной,
Весельем солнечным и тенью облита,
Нить паутинная, упруга и чиста,
Повисла в небесах; и дрожью незаметной

Колелет ветер нить, порвать пытаюсь тщетно;
Она крепка, тонка, прозрачна и проста.
Разрезана небес живая пустота
Сверкающей чертой – струною многоцветной.

Одно неясное привыкли мы ценить.
В запутанных узлах, с какой-то страстью ложной,
Мы ищем тонкости, не веря, что возможно
Величье с простотой в душе соединить.
Но жалко, мертвенно и грубо всё, что сложно;
А тонкая душа – проста, как эта нить.

1901

Вместе

Я чту Высокого,
Его завет.
Для одинокого –
Победы нет.
Но путь единственный
Душе открыт,
И зов таинственный,
Как клич воинственный,
Звучит, звучит...
Господь прозрение
Нам ныне дал;
Для достижения –
Дорогу тесную,
Пусть дерзновенную,
Но неизменную,
Одну, – совместную –
Он указал.

1902

Что есть грех?

В. Ф. Нувелю

Грех – маломыслие и малодаянье,
Самонелюбие – самовлюбленность,
И равнодушное саморассеянье,
И успокоенная упоенность.

Грех – легкочувствие и легкодумие,
Полупроказливость – полуволнение.
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвенье.

Грех – жить без дерзости и без мечтания,
Не признаваемым – и не гонимым.
Не знать ни ужаса, ни упования
И быть приемлемым, но не любимым.

К стыду и гордости – равнопрезрение...
Всеми покорственный привет без битвы...
Тяжеле всех грехов – Богоубьение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.

Стариковы речи

Иль дует от оконницы?
Я кутаюсь, я зябну у огня...
Ломоты да бессонницы
Измучили, ослабили меня.

Гляжу на уголь тлеющий,
На жалобный, на пепельный налет,
И в памяти слабеющей
Всё прошлое, вся жизнь моя встает.

Грехи да заблуждения...
Но буду ли их ныне вспоминать?
Великого учения
Премудрую постиг я благодать.

Погибель и несчастье –
Лишь в суетной покорности страстям.
Явил Господь бесстрашие,
Бесстрашие Он заповедал нам.

Любовь, – но не любовную,
Греховную, рожденную в огне,
А чистую, бескровную –
Духовную – Он посылает мне.

Изменникам – прощение,
Друзьям моим и недругам – привет...
О, вечное смирение!
О, сладостный, о, радостный завет!

Всё плоть моя послушнее...
Распаяно последнее звено.
Чем сердце равнодушнее –
Тем Господу угоднее оно.

Гляжу в очаг, на тление...
От тления лишь дух освобожден.
Какое умиление!
В нечестии весь мир, – а я спасен!

1902

Поцелуй

Когда, Аньес, мою улыбку
К твоим устам я приближаю,
Не убегай пугливой рыбкой,
Что будет – я и сам не знаю.

Я знаю радость приближенья,
Веселье дум моих мятежных;
Но в цепь соединю ль мгновенья?
И губ твоих коснусь ли нежных?

Взгляни, не бойся; взор мой ясен,
А сердце трепетно и живо.
Миг обещанья так прекрасен!
Аньес... Не будь нетерпелива...

И удаление, и тесность
Равны – в обоих есть тревожность.
Аньес, люблю я неизвестность,
Не исполнение, – возможность.

Дрожат уста твои, не зная,
Какой огонь я берегу им...
Аньес... Аньес... и только края
Коснусь скользящим поцелуем...

Пьявки

Там, где заводь тихая, где молчит река,
Липнут пьявки черные к корню тростника.

В страшный час прозрения, на закате дней,
Вижу пьявок, липнущих и к душе моей.

Но душа усталая мертвенно тиха.
Пьявки, пьявки черные жадного греха!

1902

Мученица

Кровью и огнем меня покрыли,
Будут жечь и резать, и колоть,
Уголь алый к сердцу положили,
И горит моя живая плоть.

Если смерть – светло я умираю,
Если гибель – я светло сгорю.
И мучителей моих я – не прощаю,
Но за муку – их благодарю.

Ибо радость из-под муки рвется,
И надеждой кажется мне кровь.
Пусть она за эту радость льется,
За Того, к кому моя любовь.

1902

Часы стоят

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет.

На скатерти холодной неубранный прибор,
Как саван белый, складки свисают на ковер.

И в лампе не мерцает блестящая дуга...
Я слушаю молчанье, как слушают врага.

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себя вросло.

Ничто не изменилось, с тех пор как умер звук.
Но точно где-то властно сомкнули тайный круг.

И всё, чем мы за краткость, за легкость дорожим, –
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным – и чужим.

Застыло, каменея, как тело мертвеца...
Стремленье – но без воли. Конец – но без конца.

И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

Алмаз

Д. В. Философову

Вечер был ясный, предвесенний, холодный,
зеленая небесная высота – тиха.
И был тот вечер – Господу неугодный,
была годовщина нашего невольного греха.

В этот вечер, будто стеклянный – звонкий,
на воспоминание и боль мы осуждены.
И глянул из-за угла месяц тонкий
нам в глаза с нехорошей, с левой стороны.

В этот вечер, в этот вечер веселый,
смеялся месяц, узкий, как золотая нить.
Люди вынесли гроб, белый, тяжелый,
и на дроги с усилием старались положить.

Мы думали о том, что есть у нас брат – Иуда,
что предал он на грех, на кровь – не нас...
Но не страшен нам вечер; мы ждем чуда,
ибо сердце у нас острое, как алмаз.

29. 3. 1902

Числа

Бездонного, предчувственного смысла
И благодатной мудрости полны,
Как имена вторые, – нам даны
Божественные числа.

И день, когда родимся, налагает
На нас печать заветного числа;
До смерти наши мысли и дела
Оно сопровождает.

И между числами – меж именами –
То близость, то сплетенье, то разлад.
Мир чисел, мы, – как бы единый сад,
С различными цветами.

Земная связь людей порою рвется,
Вот – кажется – и вовсе порвалась...
Но указанье правды – чисел связь
Навеки остается.

В одеждах одинаковых нас трое.
Как знак различия и общности, легло
На ткани алой – белое число,
Для каждого – родное.

Наш первый – 2. Второй, с ним, повторяясь,
Свое, для третьего, прибавил – 6.
И вот, в обоих первых – третий есть,
Из сложности рождаясь.

Пусть нет узла – его в себе мы носим.
Никто сплетенных чисел не рассек.
А числа, нас связавшие навек, –
2, 26 и 8.

1903

13

Тринадцать, темное число!
Предвестье зол, насмешка, мщенье,
Измена, хитрость и паденье, –
Ты в мир со Змеем приползло.

И, чтоб везде разрушить чет, –
Из всех союзов и слияний,
Сплетений, смесей, сочетаний –
Тринадцать Дьявол создает.

Он любит числами играть.
От века ненавидя вечность, –
Позорит 8 – бесконечность, –
Сливая с ним пустое 5.

Иль, чтоб тринадцать сотворить, –
Подвижен, радостен и зорок, –
Покорной парюю пятерок
Он 3 дерзает осквернить.

Порой, не брезгуя ничем,
Число звериное хватает
И с ним, с шестью, соединяет
Он легкомысленное 7.

И, добиваясь своего,
К двум с десятью он не случайно
В святую ночь беседы тайной
Еще прибавил – одного.

Твое, тринадцать, острие
То откровенно, то обманно,
Но непрестанно, неустанно
Пронзает наше бытие.

И, волей Первого Творца,
Тринадцать, ты – необходимо.
Законом мира ты хранимо –
Для мира грозного Конца.

1903

Мережи

Мы долго думали, что сети
Сплетает Дьявол с простотой,
Чтоб нас поймать, как ловят дети
В силки беспечных птиц, весной.

Но нет. Опутывать сетями –
Ему не нужно никого.
Он тянет сети – между нами,
В весельи сердца своего.

Сквозь эту мглу, сквозь эту сетку,
Друг друга видим мы едва.
Чуть слышен голос через клетку,
Обезображены слова.

Шалун во образе змеином
Пути друг к другу нам пресек.
И в одиночестве зверином
Живет отныне человек.

Нагие мысли

Темные мысли – серые птицы...
Мысль одинокая нас не живит:
Смех ли ребенка, луч ли денницы,
Струн ли дрожание – сердце молчит.

Не оясняют, но отдаляют
Мысли немые желанный ответ.
Ожесточают и угашают
Нашей природы божественный свет.

Тяжкие мысли – мысли сухие,
Мысли без воли – нецарственный путь.
Знаю свои и чужие грехи я,
Знаю, где можно от них отдохнуть.

Мы соберемся в скорби священной,
В дыме курений, при пламени свеч,
Чтобы смиренно и дерзновенно
В новую плоть наши мысли облечь.

Мы соберемся, чтобы хотеньем
В силу бессилие преобразить,
Веру – со знанием, мысль – с откровеньем,
Разум – с любовью соединить.

О вере

А. К.

Великий грех желать возврата
Неясной веры детских дней.
Нам не страшна ее утрата,
Не жаль пройденных ступеней.

Мечтать ли нам о повтореньях?
Иной мы жаждем высоты.
Для нас – в слияньях и сплетеньях
Есть откровенья простоты.

Отдайся новым созерцаньям,
О том, что было, – не грусти,
И к вере истинной – со знаньем –
Ищи бесстрашного пути.

1902

Божья тварь

За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он – Твое создание,
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем – мое страданье.

Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, – страдает.

Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство – за страданье.

1902

Костер

Живые взоры я встречаю...
Огня, огня! Костер готов.
Я к ближним руки простираю,
Я жду движенья, знака, слов...

С какую радостною мукой
В очах людей ловлю я свет!
Но говорю... и дышит скукой
Их утомительный ответ.

Я отступаю, безоружный,
И длю я праздный разговор,
И лью я воду на ненужный,
На мой безогненный костер.

О, как понять, что это значит?
Кого осудим – их? меня?
Душа обманутая плачет...
Костер готов – и нет огня.

1902

Страны уныния

Минуты уныния...
Минуты забвения...
И мнится – в пустыне я...
Сгибаю колени я,
Молюсь – но не молится
Душа несогретая,
Стучу – не отворится,
Зову – без ответа я...
Душа словно тиной
Окутана вязкою,
И страх, со змеиною
Колючею ласкою,
Мне в сердце впивается,
И проклят отныне я...
Но нет дерзновения.
Кольцо замыкается...
О, страны забвения!
О, страны уныния!

Противоречия

Тихие окна, черные...
Дождик идет шепотом...
Мысли мои – непокорные.
Сердце полно – ропотом.

Падают капли жаркие
Робко, с мирным лепетом.
Мысли – такие яркие...
Сердце полно – трепетом.

Травы шепчутся сонные...
Нежной веет скукою...
Мысли мои – возмущенные,
Сердце горит – мукою...

И молчанье вечернее,
Сонное, отрадное,
Ранит еще безмернее
Сердце мое жадное...

1903

Луна и туман

Озеро дышит теплым туманом.
Он мутен и нежен, как сладкий обман.
Борется небо с земным обманом:
Луна, весь до дна, прорезает туман.

Я, как и люди, дышу туманом.
Мне близок, мне сладок уютный обман.
Только душа не живет обманом:
Она, как луна, пронизает туман.

1902

Ничего

Время срезает цветы и травы
У самого корня блестящей косой:
Лютик влюбленности, астру славы...
Но корни все целы – там, под землей.

Жизнь и мой разум, огненно-ясный!
Вы двое – ко мне беспощадней всего:
С корнем вы рвете то, что прекрасно,
В душе после вас – ничего, ничего!

1903

Опустошение

В моей душе, на миг опустошенной,
На миг встают безгласные виденья.
Качают головами сонно, сонно,
И пропадают робкие виденья.

Во тьме идет неслышно дождь упрямый,
Безмолвный мимо пролетает ветер.
Задев крылами, сотрясает рамы
И вдаль летит без звука черный ветер.

Что холодит меня во мне так странно?
Я, слушая, не слышу бьенья сердца.
Как будто льда обломок острогранный
В меня вложили тайно вместо сердца.

Я сплю, успенью моему покорный,
Но чаю воскресенья вечной правды.
Неси мою одежду, ветер черный,
Туда, наверх, к престолу нашей Правды!

1902

Богиня

Что мне делать с тайной лунной?
С тайной неба бледно-синей,
С этой музыкой бесструнной,
Со сверкающей пустыней?
Я гляжу в нее – мне мало,
Я люблю – мне не довольно...
Лунный луч язвит, как жало, –
Остро, холодно и больно.
Я в лучах блестяще-властных
Умираю от бессилья...
Ах, когда б из нитей ясных
Мог соткать я крылья, крылья!
О, Астарта! Я прославлю
Власть твою без лицемерья,
Дай мне крылья! Я расправлю
Их сияющие перья,
В сине-пламенное море
Кинусь в жадном изумленьи,
Задохнусь в его просторе,
Утону в его забвеньи...

Нет

Нет! Сердце к радости лишь вечно приближалось,
Ее порога не желая преступать,
Чтоб неизведанное в радости осталось,
Чтобы всегда равно могла она пленять.

Нет! Даже эту любимую дорогой
В нас сердце вещее теперь утомлено.
О неизведанном мы знаем слишком много...
Оно изведено другими... всё равно!

Нет! Больше не мила нам и сама надежда.
С ней жизнь становится пустынна и легка.
Предчувствие любви... О, старая одежда!
Опять мятежность, безнадежность – и тоска!

Нет! Нынче всё прошло. Мы не покорны счастью.
В бездумьи мудрости мы «нет» твердим всегда,
И будет нам дано сказать с последней властью
Свое невинное – неслыханное «да!»

Сообщники

В. Брюсову

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
Того, что быть могло – единый раз?

Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.

И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, – как и в былые дни.
Ты всё вперед, к ступеням порывался...
Кричали мы: распни Его, распни!

Шел в гору Он – ты помнишь? – без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего мы там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.

Ты стукнул молотком по шляпке ржавой, –
И вникло острие, не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем...
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьём?

И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам?

.....

Вчера, и завтра, и до века, оба –
Мы повторяем казнь – Ему и нам.

1902

Баллада («Мостки есть в саду...»)

П. С. Соловьевой

Мостки есть в саду, на пруду, в камышах.
Там, под вечер, как-то, гуляя,
Я видел русалку. Сидит на мостках, –
Вся нежная, робкая, злая.

Я ближе подкрался. Но хрустнул сучок –
Она обернулась несмело,
В комочек вся съежилась, сжалась, – прыжок –
И пеной растаяла белой.

Хожу на мостки я к ней каждую ночь.
Русалка со мною смелее:
Молчит – но сидит, не кидается прочь,
Сидит, на тумане белея.

Привык я с ней, белой, молчать напролет
Все долгие, бледные ночи.
Глядеть в тишину холодеющих вод
И в яркие, робкие очи.

И радость меж нею и мной родилась,
Безмерна, светла, как бездонность;

Со сладко-горячею грустью сплелась,
И стало ей имя – влюбленность.

Я – зверь для русалки, я с тленьем в крови.
И мне она кажется зверем...
Тем жгучей влюбленность: мы силу любви
Одной невозможностью мерим.

О, слишком – увы – много плоти на мне!
На ней – может быть – слишком мало...
И вот, мы горим в непонятном огне
Любви, никогда не бывалой.

Порой, над водой, чуть шуршат камыши,
Лепечут о счастье страданья...
И пламенно-чисты в полночной тиши, –
Таинственно-чисты, – свиданья.

Я радость мою не отдам никому;
Мы – вечно друг другу желанны,
И вечно любить нам дано, – потому,
Что здесь мы, любя, – неслиянны!

1903

Зеленое, желтое и голубое

Я горестно измучен.
Я слаб и безответен.
О, мир так разнозвучен!
Так грубо разносветен!

На спрошенное тайно –
Обидные ответы...
Всё смешано – случайно,
Слова, цвета и светлы.

Лампада мне понятна,
Зеленая лампада.
Но лампы желтой пятна
Ее лучам – преграда.

И, голубея, окна
В рассветном льду застыли...
Сплелись лучи – в волокна
Неясно-бурой пыли.

И люди, зло и разно,
Сливаются, как пятна:
Безумно-безобразно
И грубо-непонятно.

Пауки

Я в тесной келье – в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах – четыре
Неутомимых паука.

Они ловки, жирны и грязны.
И всё плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Они четыре паутины
В одну, огромную, сплели.
Гляжу – шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли.

Мои глаза – под паутиной.
Она сера, мягка, липка.
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука.

1903

Цепь

Один иду, иду чрез площадь снежную,
Во мглу вечернюю, легко-туманную,
И думу думаю, одну, мятежную,
Всегда безумную, всегда желанную.

Колокола молчат, молчат соборные,
И цепь оградная во мгле недвижимее.
А мимо цепи, вдаль, как тени черные,
Как привидения, – проходят ближние.
Идут – красивые, и безобразные,

Идут веселые, идут печальные;
Такие схожие – такие разные,
Такие близкие, такие дальные...
Где ненавистные – и где любимые?

Пути не те же ли всем уготованы?
Как звенья черные, – неразделимые,
Мы в цепь единую навеки скованы.

1902

Белая одежда

*Побеждающему Я дам белые одежды.
Апокалипсис*

Он испытует – отдалением,
Я принимаю испытание.
Я принимаю со смирением
Его любовь, – Его молчание.

И чем мольба моя безгласнее –
Тем неотступней, непрерывнее,
И ожидание – прекраснее,
Союз грядущий – неразрывнее.

Времен и сроков я не ведаю,
В Его руке Его создание...
Но победить – Его победою –
Хочу последнее страдание.

И отдаю я душу смелую
Мое страданье Сотворившему.
Сказал Господь: «Одежду белую
Я посылаю – победившему».

«Давно печали я не знаю...»

Давно печали я не знаю,
И слез давно уже не лью.
Я никому не помогаю,
Да никого и не люблю.

Любить людей – сам будешь в горе.
Всех не утетишь всё равно.
Мир – не бездонное ли море?
О мире я забыл давно.

Я на печаль смотрю с улыбкой,
От жалоб я храню себя.
Я прожил жизнь мою в ошибках,
Но человека не любя.

Зато печали я не знаю,
Я слез моих давно не лью.
Я никому не помогаю,
И никого я не люблю.

«Я помню аллею душистую...»

Я помню аллею душистую
И ветви сирени кругом,
Росу на траве серебристую
И небо, объятые сном.

Я помню, как трелью рыдающей
Сирень оглашал соловей,
И как аромат опьяняющий
Волной доносился с полей.

Я помню скамью одинокую,
Забывшие грезы и сны,
И пруд, весь заросший осокою,
И силу живую весны...

У берега лодка качается,
И плещется тихо вода,
И звезды, блестя, отражаются
На зыбком просторе пруда.

Стихает природа уснувшая,
Всё негой весенней полно...
Я помню то время минувшее,
Я помню, что было давно...

«Осенняя ночь и свежа, и светла...»

Осенняя ночь и свежа, и светла –
В раскрытые окна глядела,
По небу луна величаво плыла,
И листья шептались несмело.

Лучи на полу сквозь зеленую сеть
Дрожали капризным узором...
О, как мне хотелось с тобой умереть,
Забыться под ласковым взором!

В душе что-то бурной волною росло,
Глаза застилались слезами.
И было и стыдно, и чудно светло,
И плакал Шопен вместе с нами.

О, милый, мы счастья так ждали с тобой
И счастье неслышно подкралось,
Пришло, как волна, унеслося волной,
Пришло, но навек не осталось!

«Долго в полдень вчера я сидел у пруда...»

Долго в полдень вчера я сидел у пруда.
Я смотрел, как дремала лениво,
Как лениво спала голубая вода
Над склоненной, печальной ивой.
А кругом далеко – тишина, тишина,
Лишь звенят над осокой стрекозы;
Неподвижная глубь и тиха, и ясна,
И душисты весенние розы.
Но за пыльной оливой, за кущами роз,
Там, где ветер шумит на просторе,
Меж ветвями капризных, стыдливых мимоз
Море видно, безбрежное море!..
Всё полудня лучами залито, дрожит,
И дрожит, и смеется, сверкая,
И бросает волна на прибрежный гранит
Серебристую пену, играя.
Что-то манит туда, в неизвестную даль,
Манит шум синих волн бесконечный...
Океану неведома наша печаль,
Он – счастливый, спокойный и вечный.
Но... блеснувшая в сумерках робко звезда,
Темных вязов густая аллея
И глубокие, тихие воды пруда

Утомленному сердцу милее...

«Мой дворец красив и пышен, и тенист душистый сад...»

Мой дворец красив и пышен, и тенист душистый сад,
В рощах царственных магнолий воды тихие журчат,
Там желтеет в темной куще золотистый апельсин
И к студеному фонтану наклоняется жасмин.
Блещет море, и гирляндой роз пунцовых обвита
Кипарисов темнокудрых величаява чета.
Шепот нежных слов и трели полуночных соловьев,
О, когда б навек остаться здесь, у милых берегов!..
Но порою я спускаюсь, одинока и грустна,
Вниз по мраморным ступеням, где, луной озарена,
Чуть колышется, чуть дышит золотистая волна.
Я веду беседу с морем, я гляжу в немую даль
И с любовью вспоминаю мою прежнюю печаль.
Вспоминаю домик бедный и черемухи кусты,
И сирени белоснежной ароматные цветы,
Песни жаворонка в поле, на заре, кудрявый лес,
Васильки родимой нивы и глубокий свод небес.
Помню я мои мученья, слезы бедные мои,
Помню жажду тихой ласки, жажду счастья и любви.
Но зачем, следя за лунным отражением в волнах,
Как о счастья тоскую я о горе и слезах...
И зачем в саду у моря, где чуть слышен запах роз,
Мне так жалко прежней доли, мне так жалко милых

слез?.,

«Я истинному верен останусь до конца...»

Я истинному верен останусь до конца:
Смирите, люди-братья, надменные сердца!
Вы верите и в счастье, и в радостные годы,
Вы к знанию стремитесь, вы ищете свободы –
Но в мире нет свободы, нет в мире красоты...
Смиритесь, позабудьте безумные мечты!
Непобедимой смерти таинственная сила
Людей живую душу навеки покорила.
И в первое мгновенье, как и в последний час, –
О, смерть, ты будешь с нами, и будешь вечно в нас!
Приходит смерть любовью, светлы ее одежды,
Приносит нам отраду и робкие надежды...
Но от любви бегите, бегите, люди, прочь!
Ведь это смерть пред вами, ведь это – та же ночь...
Любовь – еще страшнее и непонятней смерти...
Смиритесь, братья-люди, смиритесь и поверьте,
Что в мире нет свободы, и, волею судьбы –
Любя и умирая, мы вечные рабы!

«П. И. Вейнбергу» («Люблю – хрусталь бесценный и старинный...»)

Люблю – хрусталь бесценный и старинный,
Обычай невозвратимых дней,
Благоприятны старые картины
И старое вино душе моей.
Всегда, всегда любила я седины,
И, наконец, пришла моя пора:
Не устояло сердце робкой Зины
Перед цветами Вейнберга Петра!

8 января 1894

СПБ

⟨П. И. Вейнбергу⟩ («Вы задали мне трудную задачу...»)

Суббота, 25 июля, 1898

Аврора

Вы задали мне трудную задачу!
Ответить собираюсь я давно...
Беру перо, сажусь – и чуть не плачу...
Зачем шутить стихом мне не дано?!
Нравоученья в декадентских ризах
Упрямой музе более под стать;
Я не вольна в ее пустых капризах,
Я не умею дам разубеждать.
Звенит ваш стих, и, с гибкостью завидной,
По строкам рифма вьется, как змея...
Досадно мне, и больно, и обидно –
Но я, увы, не вы, а вы – не я...
Довольно! Чем богата, тем и рада.
Мне даже нравится мой странный слог.
И будет, верю, за труды награда:
Ответная чета блестящих строк.
«Была я в Петербурге; буря злилась,
И дождик шел... Ну чистая напасть!
Домой я непрестанно торопилась
И на Фонтанку не могла попасть.

Лишь утешала страждущего брата,
Упавший дух немного подняла
И тщательно и зорко берегла
От милого, но страшного „возврата“ ...
(Подумаешь, не стоило и лезть:
Там утешителей не перечесть)».
Живем мы здесь не шатко и не валко;
Мясник – мошенник; серы небеса;
Поют кузнечики; мне просто жалко,
Что здесь случаются и чудеса.
Вот первое: не будет вам в обиду,
Но я рецензии пошла писать;
Венгерову же нашу, – Зинаиду, –
Метнуло на стихи... Вот благодать!
Она теперь и день и ночь в экстазе.
Рассеянна, как истинный поэт.
Но думаю, нам с вами в этом разе
Среди поэтов места больше нет!

.....

Как поживаете? Что ваши своды?
И – новые – как прежде ль хороши?
По-прежнему ль к вам ломаются народы,
Мечтая с Фонда получить гроши?
Меня сулили вы везти в Монако, –
Я согласилась хоть на Меррекюль...
Клялись словами Демона... Однако
Из обещаний этих вышел нуль.
Тот постоянства сердца не оценит,
Кто чувства лучшие мои отверг...

И знаю: мне не раз еще изменит
Коварный, легкомысленный Вейнберг.
Но не могу я с ним затеять ссору, –
Изменника люблю еще сильнее...
И коль захочет посетить Аврору –
Он будет встречен нежностью моей...

.....

Я новости вам сообщить хотела,
Но более стихов писать нет сил;
Космополис, как слышно, опочил;
В подробностях не знаете ли дела?

Как рада я, что минуло пол-лета!
Собраний жду под сводами поэта,
А на письмо – приятного ответа...
Поклон вам шлет мой занятый супруг
И я, ваш неизменный, редкий друг.
О, верьте! вам одна
Всегда верна –
Zina.

3. А. Венгеровой

Небо широкое, широкое.
Смотрит заря утомленная.
В окно мое одинокое
Заря полночная, зеленая,
Небо широкое, широкое...

Заря неверная, неверная,
Заря неяркая, туманная,
Как ты – чужая, лицемерная,
Как ты – ненужная, обманная.
Заря неверная, неверная...

Солнце победное, победное
Придет, убьет зарю невечную
Ее – отражение солнца бедное,
Убьет любовь небесконечную
Солнце победное, победное...

«На стене темно-красной...»

На стене темно-красной
Темно-красный цветок,
Дышит скукой опасной
Скучный наш уголок,
В безнадежности ясной
Я смотрю на цветок
(Вот раздался звонок),
От тебя, от безгласной,
Я не жду боли страстной,
И не жду, чтоб увлек
Тебя поток...

«Брат Иероним! Я умираю...»

Брат Иероним! Я умираю...
Всех позови! Хочу при всех
Поведать то, что ныне знаю,
Открыть мой злой, тяжелый грех.

О, я не ведал, что нарушу,
Господь, веления Твои!
Ты дал мне пламенную душу
И сердце, полное Любви.

И долго, смелый, чуждый страха,
Тебе покорный, – я любил.
Увы, я слаб! Я прах от праха!
И Враг – Твой Враг – меня смутил.

Презрел я тайные заветы,
Отверг любовь – еще любя;
И в ризы длинные одетый
Пришел сюда, спасти себя.

Мне враг шептал: здесь подвиг крестный.
Любовь же – грех и суета.
И я оставил путь мой тесный,
Войдя в широкие врата.

Я подвизался неустанно,
Молчал, не спал, не ел, не пил...
О, Долорес! О Донна Анна!
О все, которых я любил!

«П. И. Вейнбергу» («Пусть проходят дни и годы...»)

Пусть проходят дни и годы,
Вечно та же сердцем я!
Жадно рвусь под Ваши своды,
И со мной – мои друзья.
Но... живу я наизнанку,
Как подняться спозаранку?
Разболится голова...
Мы приедем на Фонтанку
В среду, в среду, ровно в 2.

5 февраля 1901

Тема для стихотворения

У меня длинное, длинное черное платье,
я сижу низко, лицом к камину.

В камине, в одном углу, черные дрова,
меж ними чуть бродит вялое пламя.

Позади, за окном, сумерки,
весенние, снежные, розово-синие.

С края небес подымается большая луна,
ее первый взор холодит мои волосы.

Звонит колокол, тонкий, бедный, редкий.

Спор идет неслышно в моем сердце:

Спорит тишина – с сомненьями,

Любовь – с равнодушием.

Втайне!

1. Hommage¹

«Га! Петушья у меня нога!»

Народами повелевал Наполеон,
И трепет был пред ним великий.
Герою – честь! Ненарушим закон!
И без надзора – все мы горемыки.
Курятнику – петух единый дан.
Он властвует, своих вассалов множа.
И в стаде есть Наполеон: баран.
И в Мирискусстве есть: Сережа.

¹ Дань уважения (фр.).

2. Уши

«Имеющий уши – слышит»

*П. П. Перцову, компании Мирискусства, а
также В. Гиппиусу*

Безумна я была, упряма, как ребенок.
Я думала, что мы свободны и равны.
Всё оттого, что был мой слух нелепо тонок
И различал шаги с нездешней стороны.
Но боле восставать мятежный дух не будет.
И я теперь, – как вы, – в туманной тишине.
Лишь гений нас, больших, когда-нибудь разбудит,
До гения ж поспим. И правы мы во сне.
Ни боли, ни борьбы... Как путь отрадно-ясен!
Как мне близки друзья, с тех пор, как я глуха!
Поверим лишь в того, кто будет громогласен,
И коль услышим крик, – хотя бы петуха, –
Он будет тот, кого мы ждем.
И мы пойдем за петухом.

Прямо в рай

Если хочешь жизни вечной,
Неизменно-бесконечной –
Жизни здешней, быстротечной
Не желай.

От нее не жди ответа,
И от солнечного света,
Человечьего привета –
Убегай.

И во имя благодати
Не жалея о сонном брате,
Не жалея ему проклятий,
Осуждай.

Все закаты, все восходы,
Все мгновения и годы,
Всё – от рабства до свободы –
Проклинай.

Опусти смиренно вежды,
Разорви свои одежды,
Изгони свои надежды,
Верь и знай –
Плоть твоя – не Божье дело,
На борьбу иди с ней смело,
И неистовое тело
Умерщвляй.

Помни силу отречения!
Стой пред Богом без движенья,
И в стояньи откровенья
Ожидай.
Мир земной – змеи опасней,
Люди – дьяволов ужасней;
Будь мертвее, будь безгласней
И дерзай:
Светлый полк небесной силы,
Вестник смерти легкокрылый
Унесет твой дух унылый –
Прямо в рай!

1901

Любовь к недостойной

Ах! Я одной прекрасной дамы
Был долго ревностным пажом,
Был ей угоден... Но когда мы
Шли в парк душистый с ней вдвоем
Я шел весь бледный, спотыкался,
Слова я слышал, как сквозь сон,
Мой взор с земли не подымался...
Я был безумен... был влюблен...
И я надеялся... Нередко
Я от людей слышал о том,
Что даже злостная кокетка
Бывает ласкова – с пажом.
Моя ж мадонна – молчалива,
Скромна, прелестна и грустна,
Ни дать ни взять – немая ива,
Что над водами склонена.
О, ей – клянусь! – я был бы верен!
Какие б прожили мы дни!..
И вот, однажды, в час вечерен,
Мы с ней у озера, – одни.
Длинны, длинны ее одежды,
Во взгляде – нежная печаль...
Я воскресил мои надежды, –
Я всё скажу! Ей будет жаль...

Она твоим внимает пеням,
Лови мгновения, лови!..
Я пел, склоняясь к ее коленям,
И лютня пела о любви.
Туман на озеро ложится,
Луна над озером блестит,
Всё живо... Всё со мной томится...
Мы ждем... Я жду... Она молчит.
Туман качается, белея,
Влюбленный стонет коростель...
Я ждать устал, я стал смелее
И к ней: «Мадонна! Неужель
Не стоит робкий паж привета?
Ужель удел его – страдать?
Мадонна, жажду я ответа,
Я жажду ваши мысли знать».
Она взглянула... Боже, Боже!
И говорит, как в полусне:
«Знать хочешь мысли? Отчего же!
Я объясню их. Вот оне:
Решала я... – вопрос огромен!
(Я шла логическим путем),
Решала: нумен и феномен
В соотношении – каком?
И всё ль единого порядка –
Деизм, теизм и пантеизм?
Рациональная подкладка
Так ослабляет мистицизм!
Создать теорию – не шутка,

Хотя б какой-нибудь отдел...
Ты мне мешал слегка, малютка;
Ты что? смеялся? или пел?»

.....

Мрачись, закройся, месяц юный!
Умолкни, лживый коростель!
Пресекнись, голос! Рвитесь, струны!
Засохни, томный розанель!
И сохлось всё, и посерело,
Застыл испуганный туман.
Она – сидела как сидела,
И я сидел – как истукан.
То час был – верьте иль не верьте, –
Угрюмей всяких похорон...
Бегите, юноши, как смерти,
Философических мадонн!

1902

Обе

За гранью смерти ее я встречу,
Ее, единую, ее, любимую.
И ей, как в детстве, на зов отвечу
С любовью первою, – неисцелимую.

Ее ли сердцем не угадаю?
В ней жизнь последняя и бесконечная.
Сквозь облик милый – тебя узнаю,
Тебя, Заступница, тебя, Предвечная...

Песня о голоде

(1904 г., посв. А. Блоку)

Хата моя черная, убогая,
В печке-то темно да холодно,
На столе-то хлеба ни корочки,
В углах и тараканы померли.
Хозяйка моя – молчит, молчит.
Соседи мои – немудреные,
Соседи мякину лопают.
Животы-то у них бурчат, ворчат,
А они ничего – радуются.
А были соседи – да померли,
Лежат, ничего, погоста ждут,
Лежат себе – не схоронены.
Кто жив – глядишь, издевается:
«Чего, дурак, мякины не жрешь?
Небось, подыхал, так наелся бы».
А не лезет в меня мякина-то,
Нету моего согласия,
Чистой смертыньки пойду искать,
От соседей уйду, от хозяйшки,
Один на один умирать пойду.
Над колодцем месяц серебряный,
За вербой заря кровавая,

Под зарей, внизу, поле черное.
Пойду я да лягу на поле,
Буду в небо глядеть, алое и белое,
Так и умру с ним один на один,
Умру на земле – от голода...

К Добролюбову

Нет отречения в отреченьи,
От вечных дум исхода нет.
Ты видишь свет и мрак в смешеньи.
В тебе раздельны мрак и свет.
И за полями, за горами,
Где меркнет жизнь и след людской,
Ты узришь жадными очами,
Что кинул здесь в семье родной.
В пустыне нет уединенья,
Повсюду жизнь, повсюду Бог.
Лишь сердцу, сердцу нет смиренья, –
От жизни в жизни – нет дорог.